

Усадебный и дачный топосы: Царское Село и Комарово в жизни и творчестве А.А. Ахматовой¹³

Estate and Dacha Topos: Tsarskoe Selo and Komarovo in the Life and Work of A.A. Akhmatova

NATALIA V. MIKHALENKO, *A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences*
rinsan-tin@rambler.ru

Received: August 17, 2022.

Accepted: November 26, 2023.

DOI: <https://doi.org/10.30827/meslav.22.25992>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается, как в интерпретации А.А. Ахматовой, места, где она жила в 1900–1960-х гг., тесно связаны с усадебным и дачным топосом. Показано, как в восприятии лирической героини Ахматовой понятие дома включало в себя природу Царского Села, Слепнева, Комарово, историю и мифологию этих мест. В стихах, биографических заметках и записных книжках складывался образ загородной жизни в реалиях XX века, когда небольшая писательская дача стала синтетическим образом усадебной жизни, включавшим в себя поэтическое творчество и беседы об искусстве с единомышленниками, возделывание сада и почти мифологическое единство с природой. На материале впервые публикуемых фрагментов воспоминаний О.И. Рыбаковой рассказывается о жизни Ахматовой в Детском Селе, в Екатерининском дворце, в соседстве с деятелями литературы и культуры.

Ключевые слова: А.А. Ахматова, усадебный топос, дачный топос, Царское Село, Детское Село, писательский поселок в Комарово.

ABSTRACT

The article examines how, in the interpretation of A.A. Akhmatova, the places where she lived in the 1910s and 1960s are closely related to the estate and country topos. It is shown how, in the perception of the lyrical heroine Akhmatova, the concept of home included the nature of Tsarskoye Selo, Slepnev, Komarovo, the history and mythology of these places. In poems, biographical notes and notebooks, an image of suburban life was formed in the realities of the XX century, when a small writer's cottage became a synthetic image of estate life, which included poetic creativity and conversations about art with like-minded people, gardening and almost mythological unity with nature. Based on the material of fragments of O.I. Rybakova's memoirs published for the first time, it tells about Akhmatova's life in the Children's Village, in the Catherine Palace, in the neighborhood of literary and cultural figures.

Keywords: A.A. Akhmatova, Estate topos, Dacha topos, Tsarskoye Selo, Detskoye Selo, Writer's village in Komarovo.

Введение

Изучение интерпретации усадебного и дачного топоса¹⁴ в творчестве

¹³ Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

¹⁴ В данной статье под топосом понимается «регулярно повторяющиеся в творчестве писателя и в системе культуры формулы, мифы, мотивы и другие разновидности художественного образа, имеющие особые пространственные характеристики <...> и несущие устойчивые смысловые значения» (Булгакова, 2008,



А.А. Ахматовой – новая и важная область исследования. Работы историков литературы О.Е. Рубинчик, Ю.В. Шевчук затрагивают отдельные области, связанные с данной темой, но целостное, подробное исследование до сих пор не проведено.

Изучение данной проблематики в творчестве писателя тесно связано с рассмотрением категории дома¹⁵ в его наследии (письмах, мемуарах, художественных произведениях), особенностями его осмысления и интерпретации. Проводя анализ образа дома в творчестве Ахматовой, О.Е. Рубинчик сопоставляла факты биографии и их интерпретацию в творчестве поэтессы. Подтверждая важность для творчества Ахматовой категорий «дом» – «бездомность», исследовательница делала акцент на том, что собственный дом Ахматова обрела только в конце жизни – им стала «будка» в писательском поселке Комарово. Рубинчик отмечала, что поэтесса отсчитывала свое «бездомье» от времени развода с Н.С. Гумилевым в 1918 г.: «“Уйдя от Гумилевых, я потеряла дом”. Жизнь у подружки; у бывшего мужа (Владимира Шилейко); в квартире Николая Пунина в Фонтанном Доме, где на правах хозяйки оставалась прежняя жена; затем – в этой же квартире, но ставшей коммунальной, и уже не в роли жены; во время войны – эвакуация в Ташкент, где одним из пристанищ Ахматовой было восьмиметровое помещение с надписью “Касса” и специальным окошком; по возвращении из эвакуации – жизнь у друзей, а затем нежеланное возвращение в Фонтанный Дом, откуда в 1952 г. их с Пуниными выселили по суду, т. к. флигель понадобился Институту Арктики и Антарктики; потом – совместное с Пуниными проживание на ул. Красной Конницы, на ул. Ленина, но на самом деле – жизнь между Ленинградом и Москвой, где старая Ахматова перебиралась от одних друзей к другим» (Рубинчик, 2007, с. 12).

Ю.В. Шевчук, исследуя «психопэотику пространства» усадебной лирики Ахматовой, подробно рассматривала соотношение внутреннего рефлексующего взгляда лирической героини и топоса поместья (Шевчук, 2021).

В настоящей статье на основе биографического метода, сравнительного сопоставления мемуаров поэтессы, ее лирики, воспоминаний о ней будут проанализированы составляющие усадебного и дачного топоса в ее произведениях¹⁶, в

с. 14). Опираясь на работы О.А. Богдановой, мы рассматриваем инвариант культурной модели усадебного топоса, который, «пережив в 1910–1920-е гг. расставание с традиционной дворянско-помещичьей усадьбой, распалась на ряд модификаций и вариаций, многие из которых сохранили жизнеспособность до наших дней (например, усадьба-музей, усадьба-санаторий)» (Богданова, 2019: 19). Наравне с трансформацией усадебного топоса ведется анализ топоса дачи, поскольку «... в русской литературе XX–XXI вв. именно дача, в силу культурно-исторических обстоятельств потеснившая усадьбу и принявшая на себя ряд ее функций, стала одной из важнейших форм репрезентации художественного пространства» (Богданова, 2022, сс. 12–13).

¹⁵ По мысли философа и исследователя психологии художественного творчества Г. Башляра, «образ дома поистине дает принципы психологической интеграции, позволяя описательной психологии, психоанализу, феноменологии объединиться в научный корпус, который мы именуем топоанализом. Рассматриваемый в различных теоретических планах, образ дома, кажется, представляет топографию нашей глубинной сущности» (Башляр, 2004, с. 22). В настоящей статье будет затронуто, как категория дома в рамках усадебного или дачного топоса была интерпретирована в творчестве А.А. Ахматовой.

¹⁶ Как писала О.А. Богданова, «позтосфера дачи определяется по аналогии с позтосферой усадьбы, она начала формироваться примерно с 1920-х гг., когда, вследствие разрушения в СССР большинства владельческих усадеб, их функции во многом перешли к дачам. До этого, в XIX и начале XX в. у литературной дачи были, как правило, отрицательные коннотации». См. (Богданова, 2022, с. 11).

котором человек существует в гармонии с природным миром, погружается в историю места, осмысляя ее в литературном творчестве и создавая собственную локальную мифологию.

Ахматова в Царском Селе

Образ усадебной жизни в творчестве Ахматовой связан с Царским Селом, императорской резиденцией, которая в XX в. претерпела ряд изменений. В воспоминаниях, стихах Ахматовой акцент всегда делался на близости ее дома в детстве и юности, начале замужней жизни к этому историко-литературному месту. Впоследствии, в 1925–1926 гг., она жила в Полуциркуле Екатерининского дворца, рядом с другими деятелями искусства и науки.

В автобиографической заметке Ахматовой об истории дома Шухардиной в Царском Селе, где она жила до 1905 г., много говорится о простоте быта, провинциальности жизни, древности дома («Старики говорили, что в этом доме “до чугулки”, то есть до <18>38 года, находился заезжий двор или трактир. Расположение комнат подтверждает это. Дом деревянный, темно-зеленый, с неполным вторым этажом (вроде мезонина) <...> Переулок этот бывал занесен зимой глубоким, чистым, не городским снегом, а летом пышно зарастал сорняками, репейниками, из которых я в раннем детстве лепила корзиночки, роскошной крапивой и великолепными лопухами...» (Ахматова, 2001, сс. 167–168). Создается впечатление, что автора несколько настораживает не слишком благополучная история дома, тогда как буйство природы вдохновляет и приносит радость. Суровость и аскетизм жизни здесь как бы подчеркивались, заострялись: «Анина комната: окно на Безымянный переулок... <...> Кровать, столик для приготовления уроков, этажерка для книг. Свеча в медном подсвечнике (электричества еще не было). В углу – икона. Никакой попытки скрасить суровость обстановки без<елушками>, отк<ытками>» (Ахматова, 2001, с. 216). Такая же простая обстановка, украшенная только портретом подруги (О.А. Глебовой-Судейкиной), будет у Ахматовой и на даче в Комарово. Оппозиция макро- и микромира (неустроенность дома – красота природы) в интерпретации усадебного и дачного топоса характерна для ее творчества. Она связана как с реальной обстановкой, так и с ощущением бездомности героини, тонко чувствующей природу, стремящейся в ней раствориться.

В «Царкосельской оде» (1961) как будто сконцентрированы сниженные, подчеркнута бытовые, прозаические образы, все предстает в тусклом свете воспоминания. Историческая память создает «призрачный», неприглядный мир. Световой точкой, своеобразным отдохновением является только образ зимних пейзажей и Петербурга, которые способны как-то разнообразить эту картину: «Тут ходили по струнке, / Мчался рыжий рысак, / Тут еще до чугулки / Был знатнейший кабак. / Фонари на предметы / Лили матовый свет, / И придворной кареты / Промелькнул силуэт. / Так мне хочется, чтобы / Появиться могли / Голубые сугробы / С Петербургом вдали» (Ахматова, 2000, с. 443).

Описание дома контрастирует с впечатлениями поэтессы от близлежащего парка, являвшегося частью императорской резиденции: «Мои первые воспоминания — царкосельские: зеленое, сырое великолепие парков, выгон, куда меня водила няня,

ипподром, где скакали маленькие пестрые лошадки, старый вокзал» (Ахматова, 2001, с. 236). Природное и литературное здесь тесно переплетается: «Первые стихи, кот<орые> я узнала, были Державин и Некрасов. Первые воспоминания – Цар<скосельские> и Павл<овские> парки» (Ахматова, 2001, с. 180).

Рассказывая о жизни в доме Георгиевского на Бульварной улице в Царском Селе, где после свадебного путешествия в 1910 г. начали жить Ахматова и Н.С. Гумилев, поэтесса создала почти мифологическую картину: «...мы просто ходили в поле, которое начиналось почти сразу за нашим домом — полувыгон, полуболото, в огневующий огромный закат (летом солнце садится на севере)» (Виленкин, 1990, с. 190). Глубоко родственное восприятие природы, ее мифологизация характерна для поэзии Ахматовой. Во время жизни в Комарово эта мифологизация не только найдет отражение в лирике, но и станет частью житнетворчества.

Стихотворение, описывающее царскосельский дом Гумилевых первых лет их супружества, несмотря на счастье и покой этого времени, связано с темой выпущенного на волю колдовства, ожиданием беды. Лирическая героиня способна существовать как бы на пограничье миров, взаимодействовать с роковым началом жизни, чувствовать страхи «встревоженного» дома. Микромир оказывается враждебным и пугающим:

В том доме было очень страшно жить <...>
 Подразнивала тайного жильца
 И оставляла крошки на тарелке
 Для тех, кто ночью тяжело ступал
 По лестнице, царапался у двери
 И тихо трогал клавиши рояля,
 В то время как, забывшись в дальний угол
 Встревоженного дома, друг на друга
 Мы помертвевших глаз не поднимали.
 И ты молил меня: “Не вызывай
 Того, кого прогнать не можешь!” (1921, Ахматова, 1999а, с. 601)

В стихотворении «В Царском Селе» лирическая героиня остается как бы отраженной в различных зеркалах, отождествляет себя со статуей богини, навсегда связанной с этим парком. Ее мечта – стать частью усадебной истории этого места: «...А там мой мраморный двойник, / Поверженный под старым кленом, / Озерным водам отдал лик, / Внимает шорохам зеленым. // И моют светлые дожди / Его запекшуюся рану... / Холодный, белый, подожди, / Я тоже мраморною стану...» (1911, Ахматова, 1998, с. 72). Как писала Ю.В. Шечук, в пространственной организации стихов, связанных с этим местом, «угадывается принцип “царскосельского равновесия” – в природе, соблюдающей баланс жизни и смерти, и в искусстве, закон которого – неисчерпаемость вечных тем, возвращение к тому, что осталось в прошлом» (Шечук, 2021, с. 113). Образы природы, искусства и истории глубоко связаны в лирике Ахматовой, как бы обуславливают друг друга. Сиюминутное продолжает существовать в литературной и исторической памяти, переходя в категорию вечности: «Этой ивы листья в девятнадцатом веке увяли, / Чтобы в строчке стиха серебриться свежее стократ. / Одичалые розы пурпурным шиповником стали, / А лицейские гимны все так же заздранно звучат. / Полстолетья прошло... Щедро взыскана дивной судьбою,

/ Я в беспамятстве дней забывала течение годов, — / И туда не вернусь! Но возьму и за Лету с собою / Очертанья живые моих царскосельских садов» (1957, Ахматова, 1999а, с. 202).

После того как Ахматова вышла замуж за Н.С. Гумилева, каждое лето с 1911 по 1917 г. она проводила в его родовом имении Слепнево (бывший Бежецкий уезд) Тверской губернии, где была написана почти вся «Белая стая» и начата поэма «У самого моря». В ее стихах эта историческая усадьба связана с возможностью погружения в культуру прошлого, XVIII века. В своих воспоминаниях она отмечала, что здесь сохранялся уклад предыдущих эпох: «А мы живем, как при Екатерине: / Молебны служим, урожая ждем...» (1917) (Ахматова, 1998, с. 313); «Это неживописное место: распаханые ровными квадратами на холмистой местности поля, мельницы, трясины, осушенные болота, “воротца”, хлеба, хлеба...» (Ахматова, 2001, с. 238).

Быт в имении интерпретировался ею как своеобразное возвращение к усадебной жизни, его детали воспринимались через призму истории и искусства: «Один раз я была в Слепневе зимой. Это было великолепно. Все как-то вдвинулось в XIX век, чуть ли не в пушкинское время. Сани, валенки, медвежьи полости, огромные полушубки, звенящая тишина, сугробы, алмазные снега» (Ахматова, 2001, сс. 178–179).

Жизнь в Детском Селе, нынешнем Пушкине, в 1925–1926 гг. в квартире Рыбаковых в правом Полуциркуле Екатерининского дворца, тоже можно назвать своеобразным усадебно-дачным времяпрепровождением Ахматовой. О.И. Рыбакова вспоминала: «В начале двадцатых годов квартиры в Полуциркуле были заняты жильцами, “зимогорами” и местными жителями. Там, с 1925 по 1930 жила летом семья Рыбаковых, сохраняя эту квартиру за собой осенью, зимой и весной, словом, круглый год, для приездов по субботам и воскресеньям. <...> Анна Андреевна жила в этой квартире осенью 1925 года, когда семья Рыбаковых уехала в Крым. <...>» (Рыбакова, 1974, с. Л.1)¹⁷. К машинописи воспоминаний приложены три фотографии Ахматовой, связанные с этим временем. «Вторая фотография: Анна Андреевна в том же пальто и в той же шляпке с черной лентой задумчиво сидит на железной скамейке, столь характерной для старого Екатерининского парка, под огромным дуплистым и сучковатым деревом. Поздняя осень, у ног Анны Андреевны опавшие листья, позади дерева виден пруд, полуоблетевшие деревья на другом его берегу, серповидный перешеек, разделяющий пруд на две части и статуя в центре пруда (Это Ахилл с телом Патрокла, бронза, статуя, похищена фашистскими оккупантами, а пруд переделан после по старинным чертежам под XVIII век, старые липы, отжившие свой век, ныне вырублены.)»¹⁸ (Рыбакова, 1974, Л.1 – Л. 2).

Интересно, что на этих фотографиях как бы соединились традиционные приметы усадебного быта – старинный парк с прекрасными скульптурами, хранящий память о былой жизни императоров, лицейских годах А.С. Пушкина.

Своеобразное общежитие литераторов и деятелей искусства в Царском Селе

¹⁷ Представленный в данной статье фрагмент воспоминаний Ольги Иосифовны Рыбаковой (1915–1998), инженера, дочери И.И. и Л.Я. Рыбаковых, публикуется впервые.

¹⁸ Вероятно, об этой фотографии вспоминала Ахматова: «Две мои фотографии в царскосельском парке (зимняя и летняя) в 20-х годах сняты на той скамейке, где Николас Степанович впервые сказал мне, что любит меня (февраль...)» (Ахматова, 2001, с. 130).

свидетельствует о продолжении традиций усадебной жизни. Рыбакова писала, «что в тот период и несколько позже в разных дворцовых помещениях жило много людей, близких к литературе и искусству. Так, Константин Федин жил в Зубовском флигеле Дворца. Евгений Замятин с женой – в левом Полуциркуле. Там же жил художник-карикатурист Николай Радлов с женой, тоже художницей. Алексей Толстой приехал в Детское Село несколько позже. Вячеслава Шишкова я почти не помню. В 1925, видимо, его еще не было в Детском. <...> Художник Петров-Водкин с женой и дочкой жили во втором этаже Лицея, разделенного тогда на квартиры. <...> Где-то поблизости жила Ольга Форш» (Рыбакова, 1974, с. 2.).

Узнать об особенностях времяпрепровождения царскоселов можно из очерка К.А. Фебина «Рассказ о дворце», который в 1930-х гг. летом жил в Зубовском флигеле Екатерининского дворца, с той стороны, которая обращена в парк. (О дружбе и общении Фебина и Ахматовой см. – Перхин, 1995.) Из его окна открывался прекрасный вид: «...был виден фонтан белого мрамора, чудесные по живописному подбору расцветок деревья, кусты старых подстриженных сиреней, веселые дорожки между газонов» (Федин, 1945, с. 34).

Писателя вдохновляло то, что это место «пронизано... историей, ее дыхание явственно ощущаешь, и вдруг, когда увидишь из-за дерева какой-нибудь обелиск или какую-нибудь колонну, живой голос Пушкина, не отделимый от Царского Села, раздастся у тебя в ушах...» (Федин, 1945, с. 35). Вероятно, такое соединение бережно созданного людьми парка, облагороженной природы и своеобразной памяти места создавало ощущение погруженности в культуру прошлого, связи с ней. Федин вспоминал о вдохновенном разговоре с композитором Г.Н. Поповым, жившим здесь же, о том, что культура не может иметь искусственных ограничений:

«Однажды мы долго стояли у Церковного флигеля дворца, под большим деревом, протянувшим сильный, прямой сук к невысокой крыше Полуциркуля, и в тени дерева говорили о русской и немецкой музыке, о единстве и столкновениях культур, о связях и различиях великих человеческих целей. Я помню, как назывались в тишине имена Михаила Глинки, Мусоргского, Скрябина, Себастьяна Баха, Иосифа Гайдна, классическую форму которого не затмили Бетховен и Моцарт. Это был хороший разговор. Его питал город искусств, город муз — Пушкин...» (Федин, 1945, с. 37).

Царское Село в жизни и творчестве Ахматовой – место постоянного возвращения, реального и осмысленного в стихах, в которых проявилось стремление лирической героини стать частью этого историко-литературного усадебного топоса.

Дача в Комарово

Жизнь в дачном доме в Комарово, общение с писателями и поэтами, литературное «наставничество» также стало своеобразным продолжением усадебной традиции.

По меткому замечанию Рубинчик, единственным собственным домом для Ахматовой стала писательская дача в Комарово, полученная от Литфонда¹⁹. Натан

¹⁹ В 1954 г. по решению правительства поселок Келломьяки (в 1948 г. переименованный в честь академика В.Л. Комарова) должен был стать местом, где могли бы отдыхать выдающиеся деятели советской науки и искусства. Участок для строительства дач получил здесь и Ленинградский литературный фонд. На участке

Готхарт, описывая простой быт «будки», как ее любовно называла поэтесса, отмечал то малое, что составляло уют, создавало творческую атмосферу (книги, икону, портрет подруги, во дворе – цветы и мистические коряги):

«С торца дома – высокое крыльцо, с которого попадаешь в крохотный коридорчик. Справа – маленькая кухня, слева – дверь в комнату Анны Андреевны. <...> На крыльце дома прикреплен лист бумаги с надписью: “Все при деле”. В комнате Анны Андреевны – маленький рабочий стол и кресло. <...> Кровать представляет собой кроватьную раму с сеткой, поставленную по углам на кирпичи. На стене книжная полка, рядом с ней прикреплен небольшой женский портрет, как после я узнал, Глебовой-Судейкиной. На стене икона “Рождество Христово”. <...> На участке, вблизи дома, колодец. Рядом с крыльцом небольшая клумба с цветами. У забора несколько кустов бузины. Около них грядки с картошкой и различной зеленью. На участке, против окна Анны Андреевны, лежит коряга – выкорчеванный и перевернутый пенёк» (Готхарт, 1997, с. 262).

Аскетичный быт в «будке» контрастировал со «смертным уютом», богатством природы, сосновым лесом, берегом Финского залива. Так, в стихотворении «Сосны» лирическая героиня говорит с деревьями, как бы принимая от них заботу о даче, продолжая их дело весной:

Не здороваются, не рады! –
А всю зиму стояли тут,
Охраняли снежные клады,
Вьюг подслушивали рулады,
Создавая смертный уют²⁰ (1961 Ахматова, 1999б, с. 104).

Источником благоустроенности дома стала природа, а не его стены. Деревья, стоящие как бы на пограничье мира живых и мертвых, даже способны прислать весть от того, кого уже нет рядом:

...А еще у восточной стены,
В зарослях крепкой малины,
Темная, свежая ветвь бузины...
Это — письмо от Марины (Ахматова 1999б, с. 119).

Здесь как бы сопрягается природное и литературное, творится собственная ахматовская мифология.

Гитович вспоминала, что в доме и на дачном участке было обилие коряг и корней. «Причудливые корни стояли на шаткой этажерке и висели, прибитые к стенкам. А большие коряги жили разбросанные по участку. Перед окнами веранды лежала главная большая коряга, “мой деревянный бог”, как говорила Анна Андреевна. Все годы, что она прожила в “Будке” <...>, коряга – бог лежала на этом самом месте. Перед

между улицей и переулком Осипенко, Кудринским переулком были построены четыре однотипных домика, которые на лето сдавались писателям, поэтам, литераторам и литературным критикам, состоящим в Союзе писателей. Один из домиков благодаря усилиям И.Н. Пуниной достался Ахматовой.

²⁰ Важно отметить, что последняя строка стихотворения «Сосны» как бы завершает попытки героини сделать домашнюю жизнь устроенной, благообразной, о которых с горечью говорилось в стихах «От тебя я сердце скрыла...» (1936): «К уху жарко приникает / Черный шепоток беды / И бормочет, словно дело / Ей всю ночь возиться тут: / “Ты уюта захотела, / Знаешь, где он — твой уют?”» (Ахматова, 1998, с. 432).

ней неоднократно вечерами жгли костры. Тогда обычно выносили большое кресло с высокой спинкой, и она подолгу сидела, глядя, как жарко горят сучья, вспыхивая на ветру» (Гитович, 1990, с. 338).

Вместо пугавшего в ранних стихах домового, духа, которого боялась лирическая героиня, появился понятный и простой артефакт, ставший символом покоя. Наряду с мотивом отказа от материальных благ в стихотворении «Нас четверо» звучит мотив обретения дома в тот момент, когда героиня решила отказаться от всего суетного, здесь переплелись языческие и христианские мотивы:

...И отступилась я здесь от всего,
От земного всякого блага.
Духом-хранителем места сего
Стала лесная коряга (Ахматова, 1999б, с. 119).

В своих воспоминаниях об общении с Ахматовой в Комарово, Гортхарт говорил о том, что, несмотря на бедность дачного быта, этот дом стал центром притяжения деятелей искусства и культуры, своеобразно продолжая усадебную традицию. В гостях у Ахматовой здесь бывали Д.С. Лихачев, С.С. Прокофьев, Ф.Г. Раневская, Б.А. Ахмадулина и многие др. На даче собирались молодые поэты («волшебный хор» – Е.Б. Рейн, Д.В. Бобышев, А.Г. Найман, И.А. Бродский), которые приносили свои стихи, рассуждали о поэзии. О своеобразном «притяжении» Ахматовой, искусстве общения говорил Бродский: «На всех нас, как некий душевный загар..., лежит отсвет этого сердца, этого ума, этой нравственной силы и этой необычайной щедрости, от нее исходивших. Мы не за похвалой к ней шли, не за литературным признанием или там за одобрением наших опусов <...>. Мы шли к ней, потому что она наши души приводила в движение» (Волков, 2005, с. 661).

Искусство становилось здесь частью быта. На привезенном Бродским проигрывателе Ахматова слушала классическую музыку – «Неоконченную симфонию» Шуберта, Пятнадцатую сонату Бетховена, мазурки Шопена в исполнении Софроницкого (Гортхарт, 1997, с. 280). В письме Найману она писала о «будке» как о живой:

«Без меня сюда решительно проникла осень и пропитала все своим дыханьем. Но мак дождался меня. Комната одичала и пришлось приводить ее в чувство Чаконой Баха, Симфонией Псалмов Стравинского, раскаленной печкой, цветами...» (Найман, 1989, с. 146).

Библиотека Ахматовой даже здесь отличалась разнообразием, свидетельствовала о ее работе как переводчика:

«Там стоят “Ромео и Джульетта” на английском, томик Вольтера на французском, “История Петербурга” на итальянском. Есть издания Ахматовой на сербском языке, на чешском, на итальянском (в итальянском издании даны параллельно русский текст и перевод), книжечка стихов Ли Бо в переводах А. Гитовича» (Гортхарт, 1997, с. 281).

Усадебный и дачный топос в творчестве Ахматовой тесно связаны с аксиологическими основами усадебной культуры XIX века. Своеобразное, синтетическое зрение позволяет ее героине ощущать себя не столько в реальном месте,

сколько в пространстве искусства, литературы и истории, связанных с конкретным топосом, сопрягая время реальное и прошлое, мифологическое.

REFERENCES

- Ahmatova, A.A. (1998). *Sobranie sochinenij: v 6 t. T. 1. Stihotvorenija 1904–1941*. N.V. Koroleva (Sost.). Moskva: Jellis Lak.
- Ahmatova, A.A. (1999a). *Sobranie sochinenij: v 6 t. T.2. Kn. 1. Stihotvorenija 1941–1959*. N.V. Koroleva (Sost.). Moskva: Jellis Lak.
- Ahmatova, A.A. (1999b). *Sobranie sochinenij: v 6 t. T. 2. Kn. 2. Stihotvorenija 1959–1966*. N.V. Koroleva (Sost.). Moskva: Jellis Lak.
- Ahmatova, A.A. (2000). *Sobranie sochinenij: v 6 t. T. 4. Knigi stihov*. N.V. Koroleva (Sost.). Moskva: Jellis Lak.
- Ahmatova, A.A. (2001). PRO DOMO SUA. *Sobranie sochinenij: v 6 t. T. 5. V S.A. Kovalenko (Sost.), Biograficheskaja proza. Pro domo sua. Recenzii. Interv'ju* (ss. 161–244). Moskva: Jellis Lak.
- Bashljar, G. (2004) Pojetika prostranstva. V *Izbrannoe: Pojetika prostranstva*. Moskva: ROSSPJeN.
- Bogdanova, O.A. (2019). Usad'ba i dacha v russkoj literature XIX–XXI vv.: topika, dinamika, mifologija. V E.E. Dmitrieva (Red.), *Monografija*. Moskva: IMLI.
- Bogdanova, O.A. (2022). Formirovanie issledovatel'skogo tezaurusa pri izuchenii fenomena dachi v russkoj literature XIX–XXI vv. *Studia Litterarum*, 7(3), 10–29.
- Bulgakova A.A. (2008). *Topika v literaturnom processe: Posobie*. Grodno: GrGU.
- Fedin, K.A. (1945). Rasskaz o dvorce. *Svidanie s Leningradom, Leningrad: Voennoe izdatel'stvo Narodnogo komissariata oborony*, 33–41.
- Gitovich, S.S. (1990). Ob Anne Andreevne. Ob Anne Ahmatovoj: Stihi. Jesse. V M.M. Kralin (Sost.), *Vospominanija. Pis'ma* (ss. 330–356). Leningrad: Lenizdat.
- Gothart, N. (1997). Dvenadcat' vstrech s Annoj Ahmatovoj. *Voprosy literatury*, 2, 261–301.
- Najman, A.G. (1989). *Rasskazy o Anne Ahmatovoj*. Moskva: Hudozhestvennaja literatura.
- Perhin, V.V. (1995). «Ot starogo druga...» Darstvennye nadpisi Anny Ahmatovoj Konstantinu Fedinu». *Neva*, 9, 222–223.
- Rubinchik, O.E. (2007). «No gde moj dom...»: Tema doma u Ahmatovoj. Anna Ahmatova: jepoha, sud'ba, tvorcestvo. *Krymskij Ahmatovskij nauchnyj sbornik*, 5, 10–52.
- Rybakova, O.I. (1974). «Anna Andreevna Ahmatova v Carskom Sele v 1925 godu (tri fotografii)». Mashinopis' s neznachitel'noj pravkoj. *Rukopisnyj otdel IRLI RAN*, I(1), 244.
- Shevchuk, Ju.V. (2021). «Samonabljudenie» v prostranstve: russkaja usad'ba v lirike Anny Ahmatovoj 1910-h gg. V O.A. Bogdanova (Red.), *Usad'ba real'naja – usad'ba literatrunaja: vektory tvorcheskogo preobrazhenija: Kollektivnaja monografija* (ss. 106–117). Moskva, Rossija: IMLI RAN.
- Vilenkin, V.Ja. (1990). *V sto pervom zerkale (Anna Ahmatova)*. Moskva: Sovetskij pisatel'.
- Volkov, S.M. (2005). Vspominaja Annu Ahmatovu. Razgovor s Iosifom Brodskim. V S.A. Kovalenko (Sost.), *Anna Ahmatova: pro et contra. T. 2* (ss. 620–662). Sankt-Peterburg, Rossija: RHGA.

- Ахматова, А.А. (1998). *Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. Стихотворения 1904–1941*. Н.В. Королева (Сост.). Москва: Эллис Лак.
- Ахматова, А.А. (1999а). *Собрание сочинений: в 6 т. Т.2. Кн. 1. Стихотворения 1941–1959*. Н.В. Королева (Сост.). Москва: Эллис Лак.
- Ахматова, А.А. (1999б). *Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2. Кн. 2. Стихотворения 1959–1966*. Н.В. Королева (Сост.). Москва: Эллис Лак.
- Ахматова, А.А. (2000). *Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. Книги стихов*. Н.В. Королева (Сост.). Москва: Эллис Лак.
- Ахматова, А.А. (2001). PRO DOMO SUA. *Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5*. В С.А. Коваленко (Сост.), *Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью* (с. 161–244). Москва: Эллис Лак.
- Башляр, Г. (2004) Поэтика пространства. В *Избранное: Поэтика пространства*. Москва: РОССПЭН.
- Богданова, О.А. (2019). Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология. В Е.Е. Дмитриева (Ред.), *Монография*. Москва: ИМЛИ.
- Богданова, О.А. (2022). Формирование исследовательского тезауруса при изучении феномена дачи в русской литературе XIX–XXI вв. *Studia Litterarum*, 7(3), 10–29.
- Булгакова А.А. (2008). *Топика в литературном процессе: Пособие*. Гродно: ГрГУ.
- Виленкин, В.Я. (1990). *В сто первом зеркале (Анна Ахматова)*. Москва: Советский писатель.
- Волков, С.М. (2005). Вспоминая Анну Ахматову. Разговор с Иосифом Бродским. *Анна Ахматова: pro et contra*. Т. 2 (с. 620–662). Санкт-Петербург: РХГА.
- Гитович, С.С. (1990). Об Анне Андреевне. *Об Анне Ахматовой: Стихи. Эссе*. М.М. Кралин (Сост.), *Воспоминания. Письма*. Ленинград: Лениздат, 330–356.
- Готхарт, Н. (1997). Двенадцать встреч с Анной Ахматовой. *Вопросы литературы*, 2, 261–301.
- Найман, А.Г. (1989). *Рассказы о Анне Ахматовой*. Москва: Художественная литература.
- Перхин, В.В. (1995). «От старого друга...» Дарственные надписи Анны Ахматовой Константину Федину». *Нева*, 9, 222–223.
- Рубинчик, О.Е. (2007). «Но где мой дом...»: Тема дома у Ахматовой. *Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский научный сборник*, 5, 10–52.
- Рыбакова, О.И. (1974). «Анна Андреевна Ахматова в Царском Селе в 1925 году (три фотографии)». Машинопись с незначительной правкой. *Рукописный отдел ИРЛИ РАН*, Р I, Оп 1, 244.
- Федин, К.А. (1945). Рассказ о дворце. *Свидание с Ленинградом, Ленинград: Военное издательство Народного комиссариата обороны*, 33–41.
- Шевчук, Ю.В. (2021). «Самонаблюдение» в пространстве: русская усадьба в лирике Анны Ахматовой 1910-х гг. В О.А. Богданова (Ред.), *Усадьба реальная – усадьба литературная: векторы творческого преображения: Коллективная монография* (с. 106–117). Москва, Россия: ИМЛИ РАН.